

некоторые несвойственные ему черты дружинника (например сентенция, что золотом не добыть добрых мужей, а мужами можно добыть золота, серебра и городов) и дворянина („всякому дворянину тем имети честь и милость у князя“), то объясняется это тем, что автор редакции XIII в. переделал Слово Даниила, „волнуясь и спеша“, забывая подчас при переработке откинуть чуждые ей черты.¹

В советские годы Академией Наук СССР было предпринято новое издание Слова Даниила Заточника по обеим редакциям и их переделкам с воспроизведением всех накопившихся ко времени издания (1932 г.) списков. В своей вводной статье к изданию Н. Н. Зарубин, касаясь идейного содержания памятника, ограничивается повторением приведенной выше оценки Слова, данной еще И. А. Шляпкиным в 1889 г.²

Издание Н. Н. Зарубина вызвало ряд откликов, и в их числе статью Н. К. Гудзия, посвященную вопросу о социальной среде, к которой принадлежал Даниил Заточник. В своем построении Н. К. Гудзий исходит из замечаний А. П. Щапова о Слове Даниила Заточника, мимоходом оброненных им в речи, произнесенной на торжественном заседании Казанской духовной академии в 1859 г. и выпущенной затем отдельной брошюрой под названием: „Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей“. „Так доносится до нас, — писал в этой брошюре А. П. Щапов, — вековой горький плач жалкого заточника — несчастного холопа...; слышится плачевный голос Даниила Заточника, разнесшийся по всей древней России, с сочувствием повторяемый всем русским народом в древнее время... Какая-то горькая насмешка, что-то вроде сатирического озлобления слышится в голосе заточника, когда он вспоминает состояние холопа. Он лучше хочет всего себя предать главе, верховному властителю — князю, лучше хочет отказаться от всех материальных благ в доме своего порабителителя боярина, чем жить без отрадного живительного внутреннего чувства нравственной свободы“.³

Н. К. Гудзий конкретизирует это чувство, изображенное у А. П. Щапова слишком отвлеченно: „Даниил — боярский холоп, горестно переносящий свою холопскую службу у какого-то немилостивого боярина. Он просится в холопы к князю в надежде выслужиться у него и со временем стать его свободным дружинником“.⁴ Здесь, конечно, возникает вопрос, каким образом холоп мог надеяться стать советником у князя. В связи с этим Н. К. Гудзий указывает, что в древней Руси холоп „был субъектом публичных прав и публичноправовых дей-

¹ П. Ми н д а л е в. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914, стр. 340—345.

² Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 1.

³ А. П. Щ а п о в, Соч., т. 1, СПб., 1906, стр. 3—4.

⁴ Н. К. Г у д з и й. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник? Сб. ст. к 40-летию уч. деят. акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 482.